

Игорь Стась

Арктика как пустынная окраина Урала:

ВООБРАЖЕНИЕ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В УРАЛЬСКИХ
ПЛАНАХ 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ¹

Igor Stas

The Arctic as the Desert Outskirts of the Urals: The Imagination of the Tobolsk North
in the Ural Plans of the 1920s — early 1930s

Игорь Стась (ТюмГУ, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук)
igor.stas@mail.ru.

Igor Stas (PhD; Senior Research Fellow, University of Tyumen) igor.stas@mail.ru.

Ключевые слова: арктизм, арктическое воображение, коренные народы, модерность, обещание инфраструктуры, планирование, районирование, Уралплан

УДК: 94(470)
DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_161

В статье предлагается концепция множественных «арктизмов» как дискурсов о модерности в истории развития, освоения и колонизации Крайнего Севера. Современная историография описывает территорию Арктики как пространство конкуренции самых различных образов и нарративов. Представления об Арктике не формировались в угоду какому-то одному официальному государственному дискурсу, а воспроизводились разными акторами и институтами, которые посредством разнообразных воображаемых образов Севера оспаривали права на северную территорию. Автор акцентирует внимание на том, что воображение Крайнего Севера в значительной степени предопределялось конкретным местом и контекстом. Это подход в реконструкции истории арктических территорий России показан на примере уральского воображения Тобольского Севера в 1920-е — начале 1930-х годов.

Key words: arcticism, Arctic imagination, indigenous peoples, modernity, promise of infrastructure, planning, regionalization, Uralplan

УДК: 94(470)
DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_161

The article proposes the concept of multiple “arcticisms” as discourses about modernity in the history of development, exploration and colonization of the Far North. Contemporary historiography describes the Arctic territory as a space of competition for a wide variety of images and narratives. Ideas about the Arctic were not formed for the sake of any one official state discourse, but were reproduced by various actors and institutions who, through various images of the North, disputed the rights to the northern territory. The author focuses on the fact that the imagination of the Far North is largely predetermined by a specific place and context. This approach in reconstructing the history of the Arctic territories of Russia is shown by the example of the Ural imagination of the Tobolsk North in the 1920s — early 1930s.

Российский Север пользуется непреходящей популярностью среди отечественных историков. В большинстве случаев они описывают историю северных пространств России/СССР как процесс тотального наступления модерности, проявляющегося в создании инфраструктуры и культурных преобразованиях среди суровой природы. Казалось, эта оптика должна была измениться после

1 Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10123.

выхода книги Ю.Л. Слёзкина, который показал, что Север являлся своеобразным «арктическим зеркалом» для российской метрополии и что колониальное воображение региона сыграло огромную роль в освоении Заполярья [Слёзкин 2008]. Однако российская историография продолжает упорно создавать позитивистский нарратив «из центра», описывающий поступательное и линейное движение государства в северные земли. В этом нарративе нет места локальному воображению и идентичностям [Зубков, Карпов 2019; Россия в Арктике... 2017].

Вместе с тем сегодня исследователи даже выдвигают понятие «арктизмы», обозначая им множественность дискурсивных воображений о Крайнем Севере [Ryall et al. 2010: X–XI]. В этой историографии под воображением (*imagination*) обычно понимают процесс конструирования и презентации образов, нарративов и мифов об Арктике, объединенных в один и более дискурсов и созданных политиками, учеными, путешественниками, этнографами, экономистами и другими акторами. Представления об Арктике не формировались в угоду какому-то одному официальному государственному дискурсу, а воспроизводились разными институтами и их агентами, которые посредством разнообразных воображаемых образов Севера оспаривали права на северную территорию [Steinberg et al. 2015: 1–17]. Эти воображения постоянно трансформировались, смешивались или исчезали в зависимости от политического и исторического контекста. Например, описание северных территорий Европейской части России в имперский период менялось в зависимости от преобладания камералистского и русификаторского дискурсов [Агапов 2024]. Исследователи также пишут о важности разделения местного индигенного и пришлого европейского восприятия арктического ландшафта [Doubleday 1992]. Другие ученые указывают, что еще с XIX века сами научные исследования бескрайних северных пространств выступали своеобразным полигоном героизма, подпитывающим очарование регионом и формирующим особый культ [David 2000; Lewis-Jones 2017]. Это вело к утверждению идеи об исключительности Арктики, которая закладывалась в конкретные проекты развития территории [Hemmersam 2021].

Таким образом, Арктика уже сама по себе являлась дискурсивной формацией, причем интегрированной в парадигму модерности [Hansson, Ryall 2017: 4, 8]. С моей точки зрения, модернизационная оптика в российской историографии Арктики подчиняется именно этой конвенциональной прогрессистской идеологии. Современные западные авторы, наоборот, призывают отказаться от исследовательской мифологии, где Арктика воспринимается как однородный и особенный регион, и говорят о необходимости посмотреть на нее как на территорию множественных презентаций и конкурирующих дискурсов о модерности. Эта установка означает формулирование концепций модерности, связанных с конкретным местом и контекстом [Körber et al. 2017: 2–4].

Одновременно с этим понимание разнообразия арктических воображений требует внимания к тому факту, что многочисленные проекты по преобразованию Севера зачастую просто оставались на бумаге. Модернистский дискурс об Арктике — это, как правило, то, что антропологи называют обещанием инфраструктуры. Нередко идеи будущих великих строек не реализовывались в реальности, а были лишь риторическим приемом политиков и проектировщиков, хотя и могли продолжать серьезно влиять на жизнь простых людей. В этом отношении территория Российского Крайнего Севера не была исключи-

чением [Гаврилова, Васильева 2023]. Особенно в Советском Союзе создание мифа об освоении Арктики являлось государственной политикой, которая маскировала реальность [McCannon 1998: 110–144].

Нет сомнения, что многочисленные проекты заполярных индустриальных строек встраивались в этот тотальный миф государства об освоении Севера. Но на практике они просто не получали свое физическое воплощение. Эти арктические обещания инфраструктуры в СССР были частью авторитетного государственного дискурса [Гаврилова, Васильева 2023: 33–35]. Вместе с тем недавние исследования показывают, что, следуя логике множественных «арктицизмов», даже советское воображение Арктики не было статичным, а постоянно контекстуализировалось и пересобиралось [Kaganovsky 2017: 173] или вообще выступало как контрудикурс, в котором Арктика описывалась не как территория смерти и подвига, но как пространство для обычной жизни [Frank 2010]. Российская арктическая политика — это не линейное или одномерное явление, но сложная структура управления, порождающая самые разные образы [Eklund et al. 2019]. У нее были десятки акторов, она определялась на местах и являлась производным этих конкурирующих дискурсов о модерности².

В данной статье рассказ пойдет об одном таком дискурсе о модерности, когда в 1920-е годы уральские политические деятели сформулировали собственный вариант советского «арктицизма» по отношению к Северу Западной Сибири. Это стало возможным в конкретно-исторических условиях существования громадной Уральской области в 1923–1934 годах, присоединившей к себе территорию северных уездов бывшей Тобольской губернии. Я покажу, что авторами такого уральского образа арктической территории в первую очередь выступали представители областного Госплана. Они предложили новое воображение Обь-Иртышского сектора Арктики и Субарктики, которое способствовало решению трех задач: 1) обоснования районирования и включения Тобольского Севера к Уральской области, а не к Сибири; 2) планирования промышленного развития новых северных территорий Урала; 3) рационализации традиционных промыслов коренных сообществ. По моему мнению, во всех трех случаях мы имеем дело с дискурсивными обещаниями уральских планировиков и политиков, формулировавшими будущее развитие и инфраструктурное строительство Севера в связке с Уралом, но моментально забытыми после ликвидации Уральской области. Я реконструирую это уральское видение Тобольского Севера посредством анализа корпуса общественных журналов, опубликованной плановой документации и архивных документов.

Когда и как Тобольский Север стал Уралом

В дореволюционную эпоху Тобольский Север рассматривался как часть Сибири. Он появился на картах в конце XVIII века, когда была создана Тобольская губерния, в состав которой вошли северные Березовский и Сургутский уезды. Прежде они находились в Сибирской губернии и Тобольском наместничестве. Ситуация изменилась к концу Гражданской войны. В январе 1920 года на Урале была создана Первая Революционная армия труда. Ее Ревсовет управ-

² См., например, один из них: [Бруно 2024].

лял территорией не только Урала, но и Тюменской губернии, созданной на месте бывшей Тобольской. Когда в декабре 1921 года трудармия была расформирована и ее функции перешли новому органу — Уральскому экономическому совещанию (Уралэкосо), Тюменская губерния продолжала оставаться в подчинении уральских начальников.

Первые серьезные попытки уральцев создать новый образ Западно-Сибирского Севера связаны с началом 1920-х годов, когда молодое государство принялось за экономическое районирование страны. Урал был выбран в качестве пионерной территории для реализации административно-территориальной реформы. Районирование Советского Союза вызывало бурные дискуссии в центральных органах и на местах, в том числе по вопросам Севера [Коробейников 2007: 104–111; Круглов 2020: 83–96; Хирш 2022: 98–147]. В 1921–1923 годах при разработке Уральской области одной из основных проблем было определение восточных границ Урала с Сибирью, которое непосредственно упиралось в вопрос о статусе территорий Тобольского Севера и Ишимского уезда [Кырчиков 2018]. В отчете о своей деятельности за 1921–1922 годы Уралэкосо отмечало, что «с точки зрения уральской» не имелось никаких возражений против сохранения восточных границ в нынешнем виде, существующих с Тюменской губернией уже больше трех лет в составе Урала³.

Оглядываясь на центральный Госплан, местный Уралплан сначала сомневался относительно границ на Севере. Первое время он предлагал ограничить Север будущей Уральской области лишь верховьем притоков северной Сосьвы, поскольку эти земли уже были в сфере влияния Северо-Уральского горнозаводского треста. А вот дальше к северу «перспективы возможной постановки промышленного дела гадательны»⁴, что вызывало серьезную неуверенность в сохранении заполярных территорий в новой области. Помимо этого, Уралвнешторг имел на Дальнем Севере значительные трудности в заготовке пушкины, столкнувшись с местными организациями и частными лицами, которые завышали цены на продукты и товары. Это приводило к тому, что «инородцы, охотники и рыболовы стали бросать кочевья и искать нового местожительства». «Чтобы не потерять Тоболсевер», Уралэкосо призывало действовать немедленно: «выступить с другой торговой политикой и решительно отказаться от несообразной оценки пушкины»⁵.

Но центральный Госплан считал «экономически необоснованным и нецелесообразным» решение оставлять Тобольский Север и Ишимский уезд в Уральской области⁶. По его мнению, оно не могло быть «оправдано какими-либо вескими аргументами», поскольку «пустынные Березовский и Сургутский уезды» удлиняли «границу Уральской области до Сев[ерного] Ледовитого океана». Специалисты Госплана отмечали, что эти территории «по всем своим хозяйственным условиям, экономическим возможностям и перспективам тяготеют к Сибири и составляют совершенно отличный от Урала экономический организм, и в сфере Уральской области будут чужеродным громадным при-

3 Отчет Уральского областного экономического совещания Совету труда и обороны за 1921–1922 год. Екатеринбург: Тип. «Гранит», 1923. С. 7.

4 Там же.

5 Там же. С. 192.

6 О работе Уральской секции Госплана за 1923 год // Бюллетени Госплана. 1923. № 11–12. С. 221.

датком». Бескрайний Тобольский Север мог «навредить стройному проведению реформы районирования Уральской области»⁷.

Наиболее заметные дебаты о статусе Тобольского Севера случились в июле 1923 года, когда состоялась вторая сессия Пленума Госплана РСФСР. В этот раз уральские плановики не стали солидаризироваться с центральным Госпланом, а были уже четко на стороне Уралэкосо. Так, ректор Уральского университета и председатель Уралплана Б.В. Дидковский пытался пролоббировать включение арктических территорий в состав Уральской области. Он отмечал, что «места уже подготовлены к восприятию реформы» и « дальнейшая отяжка может дискредитировать это весьма важное значение»⁸. Это подтверждал председатель Тюменского губисполкома А.Л. Борчанинов, который приводил целый ряд соображений о необходимости присоединения Тюменской губернии к Уралу. Основаниями для подобного решения он считал «тесные связи товарообмена» между губернией и Уралом⁹.

Дебаты продолжились в августе 1923 года, когда в Омске был проведен межгубернский съезд по вопросу установления границ будущей Обской области¹⁰. Омичи открыто заявили о своих претензиях на Тобольский Север. По мнению историка К.И. Зубкова, подробно описавшего это совещание, включение Тобольского Севера в состав Урала базировалось на идее «нового Урала», который ориентировался на Восток [Зубков 2008: 63]. В Омске уральцы акцентировали внимание на необходимости индустриализации северных окраин. Они также указывали, что Тобольский Север тяготел к Уралу в части сбыта промысловой продукции и снабжения коренного населения [Зубков 2016: 214]. Вдобавок уральским властям удалось заручиться поддержкой со стороны руководителей губерний и уездов Тобольска, Тюмени и Ишима, которые выступили за присоединение к Уралу [Зубков 2008: 62; Кырчиков 2019: 247; Соловьева 2005: 130–131].

Несмотря на то что омичей поддерживал Госплан, районирование Уральской области пошло по сценарию Уралэкосо. Третьего ноября 1923 года ВЦИК утвердил Постановление об Уральской области. Тобольский Север хоть и передавался в управление уральцев, но фактически было решено объявить статус quo и «законсервировать» спор за северные территории. Согласно постановлению, Тобольский Север оставался в Уральской области «впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири»¹¹. Вместе с тем Уралэкосо удалось добиться увеличения территории Тобольского Севера: ВЦИК согласился с включением в область берега Тазовской губы на Гыданском полуострове¹². Все присоединенные территории Западно-Сибирского Севера вошли в состав Тобольского округа Уральской области.

В последующие несколько лет сибиряки не оставляли попыток вернуть территории, которые присоединились к Уралу. На рубеже 1924–1925 годов Сибревком настаивал на переподчинении восточной части Сургутского уезда,

7 Зиман О.В. Областное строительство Урала // Бюллетени Госплана. 1923. № 5. С. 14–15.

8 Пленум Госплана. 2-я сессия // Бюллетени Госплана. 1923. № 6–7. С. 47.

9 Там же. С. 50.

10 Миротворцев Н. Районирование Западной Сибири // Бюллетени Госплана. 1923. № 8–9. С. 168.

11 Материалы по районированию Урала: В 4 т. Т. 1. М.: Уралэкосо, 1923. С. 1.

12 Там же. С. 31.

включая Александровский район и территории вплоть до Сургута [Корженевский 2021: 370–372]. Уральцы, естественно, выступали против. Их аргументы оставались прежними — тесная экономическая связь Урала и Тобольского Севера:

С Омском, бывшим главным городом степного генерал-губернаторства, у Тобольского края, а особенно у Тобольского севера, никогда не было связей; до Томска или Ново-Николаевска слишком далеко и в сторону, обратную всем экономическим и культурным тяготениям севера. <...> Тобольский округ культурно и хозяйственно был (и сейчас остается) тесно связан с северной частью Зауралья и никуда больше не тяготеет. <...> ...помощь в культурном обслуживании народностей Севера и борьба с возможной экономической эксплоатацией их, могут лучше и легче осуществляться из Екатеринбурга, чем из какого-либо иного крупного центра Республики¹³.

Однако при создании Сибирского края в мае 1925 года сибирякам удалось убедить ВЦИК вывести Александровский район из состава Тобольского округа и присоединить его к своему краю. Но территории вокруг Сургута оставались в подчинении Уральской области. После этого сибиряки на некоторое время отказались от идеи включить в Сибирь весь Тобольский округ [Корженевский 2021: 379]. По крайней мере, об этом писали представители Уралсовета: «...трудность обжития этого округа, отсутствие в нем индустриальных и пролетарских центров и, наконец, трудности организационной связи делают претензии на него со стороны Сибири маловероятными»¹⁴.

Таким образом, северные территории, которые прежде, до Гражданской войны, находились в составе сибирских губерний, в условиях нового административно-территориального районирования молодого государства не просто переподчинялись, но переосмыслились как часть Урала. Уральское воображение Западно-Сибирского Севера основывалось в первую очередь на торговой и индустриальной экономической связности Тюменской губернии и Тобольска с пролетарским Уралом [Зубков 2005: 109, 111]. Несмотря на достаточно серьезную поддержку сибирской позиции со стороны Госплана, уральская точка зрения взяла верх. Похоже, что основным аргументом в пользу этого решения стали взгляды Тюмени и Тобольска, которые видели себя в составе Уральской области. Так, уральцы отмечали, что в Тобольском окружном съезде было высказано однозначное отношение: «...негде больше быть Тобольскому округу, как с Тюменью и Екатеринбургом»¹⁵.

Несостоявшийся промышленный центр Урала

После этой победы в районировании Уральский облисполком сразу начал укреплять идею об «естественной» связи Тобольского Севера и Урала, продумывая планы развития новой территории. В январе 1924 года в Уралплане был рассмотрен вопрос об организации специальной Комиссии (Секции) по Северу

13 Районирование Урала. Свердловск: Урал. обл. исп. ком. сов. рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1924. С. 19–20.

14 Урал после районирования. Свердловск: Уралсовет, 1926. С. IX.

15 Районирование Урала. С. 19.

Уральской области [Алексеева 2002: 77–80]¹⁶, которая вскоре утвердила пятилетний план рекогносцировочного исследования Крайнего Севера¹⁷. Первым таким исследованием стала Северо-Уральская экспедиция Б.Н. Городкова, начавшаяся в 1924 году¹⁸. В декабре 1924 года председатель Уралплана Дидковский заверял, что следующим будет обследование бассейна реки Конды для задач колонизации¹⁹. Уральцам нужно было как-то подступиться к неизведанному Северу, и территория Конды представлялась наиболее перспективной: «В составе Уральского Севера Конда будет одною из ценных колоний и сырьевым резервом Урала»²⁰.

Вскоре секция Севера при Уралплане назвала Кондинский край наиболее благоприятным районом для колонизации. Причина была в лесных богатствах этой территории²¹, которая также ближе всего располагалась к Уралу. Еще раньше Уралэкосо указывало, что лесная промышленность должна была стать основой экономики Тобольского округа²². Один из главных идеологов присоединения Тобольского Севера к Уралу известный ученый-металлург В.Е. Грум-Гржимайло предполагал, что Север был «Уралом будущего», поскольку за счет лесных запасов обеспечивал бы развитие древесно-угольной металлургии [Зубков 2005: 106; 2018: 45–47]. Уральцы не стеснялись в оценке лесных ресурсов Севера:

Пока Тобольский край будет посыпать в Россию только продукты рыбных промыслов и охоты, он останется почти пустыней и в нем не возможна никакая культура. <...> Исчерпав до конца лес Канады и восточного склона Кордильер, мировой капитал начнет искать новых лесов, и тут наступит очередь Тобольского Севера. <...> Леса — это единственный капитал, за счет которого Тобольская тайга может приобщиться к культуре²³.

В то же время уральские планировщики понимали, что освоение лесных массивов Севера затруднялось существенной удаленностью территории и отсутствием необходимой транспортной инфраструктуры²⁴. Решение этой проблемы они видели в строительстве железных дорог. Центральным пунктом северных магистралей нередко называлось село Самарово по причине нахождения его у берега Оби. Например, планы колонизации не исключали продолжение ветки Надеждинск — Пельм — Конда, а потом дальше на север к Самарово²⁵

16 Краткий отчет о работе Уральской секции Госплана за январь 1924 года // Бюллетени Госплана. 1924. № 1–2. С. 112.

17 Краткий отчет о работе Уральской Секции Госплана за февраль 1924 г. // Плановое хозяйство. Бюллетени Госплана СССР. 1924. № 3. С. 194.

18 Возвращение экспедиции Б.Н. Городкова // Наш край. 1924. № 2. С. 41; Прибытие в Тобольск Северо-Уральской экспедиции Б.Н. Городкова // Наш край. 1925. № 5. С. 31–32.

19 Доклад Председателя Уралплана // Наш край. 1924. № 4. С. 52.

20 Груздев С. Уральский Север и его промышленно-колонизационные перспективы // Торгово-промышленный Урал 1926 г. Пермь: Пермкнига, 1926. С. 256.

21 Груздев С.А. Научно-исследовательские работы Секции Уралплана // Северная Азия. 1925. № 3. С. 133.

22 Материалы по районированию Урала. Т. 3. Екатеринбург: Уралэкосо, 1923. С. 478.

23 Там же. С. 478–479.

24 Груздев С. Уральский Север... С. 252–255.

25 Воскобойников М. Производственные основания будущей Уральской колонизации // Хозяйство Урала. 1926. № 13–14. С. 179–180.

или же возведение к 1932 году меридиональных линий от Самарово и Березово вплоть до Обдорска и Карского моря²⁶. Но для уральцев основным железнодорожным проектом было продолжение работающей Северо-Восточно-Уральской линии путем возведения участка Тавда — Тобольск²⁷. Главной целью этой дороги было удешевление и увеличение грузооборотов между Уралом и Сибирью. Этот путь способствовал бы соединению свердловской железной дороги с северным водным транспортом Обь-Иртышского бассейна.

Это означало, что железная дорога Тавда — Тобольск рассматривалась не просто как магистраль, дающая выход на лесные богатства, но проект, который и должен был обеспечить интеграцию Севера с Уралом [Зубков 2005: 107]. Представитель Уральской секции при Госплане П.Н. Степанов прямо указывал, что эта линия создаст «надлежащую связь Урала с отдаленным от него Тобольским Севером»²⁸. Железнодорожники также видели в этом основную задачу будущей магистрали: «Тобольский Север, присоединенный по новому районированию к Уралообласти, является яблоком раздора между Сибирским Краем и Уралом. Проведение линии на Тавду безусловно закрепляет Тобольский Север за Уралом»²⁹.

Вместе с тем в стране наметился переход к политике индустриализации. В этих условиях уральцам нужно было разрабатывать более комплексную стратегию освоения Севера. В докладе Уралсовета Совнаркому РСФСР уральцы прямо указывали о существовании «хозяйственной проблемы Уральского Севера». Перспективы развития региона Уралсовет теперь увязывал с обширной программой — прекращением хищнической охоты, становлением рационального звероводства и рыболовства, восстановлением оленеводства и организацией лесной промышленности. Эти задачи переплетались с вопросами колонизации и развития путей сообщения. По причине связанности всех этих отраслей уральцы предлагали организовать на Севере «комбинированное хозяйство» путем создания акционерного общества «Северо-Уральское хозяйство». Эта идея была впервые выдвинута тоболяками еще в 1924 году³⁰. Акционерами могли бы стать Уральский облисполком, Тобольский окрисполком, Госторг и местная кооперация. Такая централизация всего хозяйства Уральского Севера получила поддержку Госплана СССР и РСФСР, но против идеи выступил Госторг и проект так и не был принят³¹.

Итак, основными направлениями колонизации Тобольского Севера Уралсовет считал строительство железнодорожной дороги Тавда — Тобольск и создание акционерного общества «Северо-Уральское хозяйство»³². Однако это оставалось лишь проектным воображением Тобольского Севера, а реальное управление

26 Груздев С. Уральский Север... С. 272; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2459. Л. 3.

27 Материалы по районированию Урала. Т. 3. С. 461.

28 Степанов П. К вопросу о пересмотре плана электрификации Уральской области // Плановое хозяйство. 1925. № 11. С. 236; Степанов П. Капитальное строительство на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 3. С. 11–12.

29 Березин Н. Перспективы развития железнодорожной сети на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 15.

30 Скосырев. Вопросы северного хозяйства // Наш край. 1924. № 1. С. 38.

31 Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. Свердловск: Уралполиграф; Гранит, 1926. С. 52–54.

32 Урал после районирования. С. XIX.

отдаленными территориями сталкивалось с серьезными трудностями, в первую очередь финансового характера. В сравнении с плановиками финансисты имели противоположенную точку зрения на развитие Севера. Так, в ноябре 1924 года Наркомфин СССР послал комиссию в Уральскую область для обследования результатов районирования. В итоге она пришла к выводу, что Тобольский округ был слишком далек и вряд ли тяготел в хозяйственном отношении к области в целом. Комиссия спрашивала: «Возникает вопрос — может ли область следить и руководить хозяйственной деятельностью таких, очень отдаленных округов, как Тобольский?»³³ В какой-то степени этой позиции придерживались и финансовые службы Уралсовета. Они прямо указывали на убыточность северного региона и просили центр выделить «специальные асигнования из госбюджета для Тобольского округа»³⁴.

Ситуация усложнялась в период разработки Генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР. Работы по нему начались в 1926 году, а концу 1927 года Уралплан завершил составление генплана хозяйства Урала на 1927—1941 годы. Осознавая все трудности с финансированием масштабных проектов по освоению Севера, в этот раз плановики были скромны в своих прогнозах. В частности, они высказали сомнение в возможности освоения лесов Тобольского Севера к 1940 году, поскольку это требовало огромных затрат по колонизации и транспортному строительству. В окончательной версии генплана было указано, что леса Тобольского Севера «в течение 15-летнего периода трудно будет включить в более или менее широкий эксплуатационный оборот»³⁵. Фактически уральцы отказались от освоения северного леса в первую пятилетку, заявив, что его эксплуатация предполагалась в незначительной степени³⁶.

В то же время Уралплан все еще рассчитывал на формирование транспортной инфраструктуры. Удаленность имела определяющее значение в воображении Тобольского Севера уральскими плановиками³⁷. Поэтому генплан признавал важность строительства в первую пятилетку железной дороги Тавда — Тобольск. Она вновь объявлялась ключом к развитию Севера, должна была иметь «лесовозное значение» и привела бы к росту грузооборота на реках Обь-Иртышского бассейна³⁸.

Уральское воображение Тобольского Севера не было каким-то статичным явлением. В первой половине 1920-х годов в условиях борьбы за территорию с Сибирью уральский дискурс планирования описывал Тобольский Север как пространство будущей индустриализации, в котором будут железные дороги, лесная промышленность и комбинированное хозяйство. При районировании обещание инфраструктуры было риторическим приемом, во многом определившим сохранение северных земель за Уральской областью. Но после окон-

33 Округ и район в Уральской области / Под ред. А.И. Вайнштейна. М.: Фин. изд., 1925. С. 8—9, 29.

34 Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. С. 57.

35 Генеральный план хозяйства Урала и перспективы первого пятилетия. Свердловск: Уралплан, 1927. С. 315.

36 Там же. С. 316.

37 Иванов К.К. Северный Урал в колонизационном отношении // Северная Азия. 1928. № 3. С. 42.

38 Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29—1932/33 гг. Свердловск: Уралплан, 1929. С. 50—52.

чательного утверждения границ с Сибирским краем уральские плановики быстро осознали невозможность реализации объявленных проектов. В такой ситуации они стали говорить о колонизации Тобольского Севера лишь в удаленной перспективе. При этом для них не было никаких сомнений, что развитие Тобольского Севера теснейшим образом связывалось с хозяйством Урала. Как указывал один из разработчиков генплана К.К. Иванов, поскольку Урал выходил на широкую дорогу здорового органического роста производительных сил, «постольку и Тобольский Север, нужно думать, выйдет из состояния заброшенной пустынной окраины»³⁹.

«Туземный» Север Урала

Во второй половине 1920-х годов в разработке перспектив развития Тобольского Севера уральским плановикам приходилось оглядываться на политику Комитета Севера при ВЦИК. Этот правительственный орган был создан в 1924 году и отвечал за управление северными территориями, где проживало коренное население. Члены Комитета, среди которых были видные этнографы-североведы, например В.Г. Богораз и С.А. Бутурлин, придерживались эсценциалистского представления о неразрывной связи этнических групп и северной природы, предопределявшей типы традиционного хозяйства [Стась 2021: 95–103]. По этой причине, как отмечают исследователи Ю.Л. Слёзкин и Д.В. Арзютов, в 1920-е годы большинство этнографов выступали за охранение «туземных» территорий путем организации «резерваций» [Слёзкин 2008: 173–176, 179; Arzyutov 2020: 79–82]. Антрополог Н.Б. Вахтин называл «консерваторами» таких членов Комитета Севера, которые предлагали организовать «заказные земли» по типу американских резерваций [Вахтин 1993: 21–22].

Однако в контексте советского Севера идея «резервации» не означала абсолютно закрытую зону, как в Америке, отведенную под проживание индigenного населения. Этнографы-североведы в большей степени имели в виду сохранение локальных этнических культур через формирование местных органов управления и создание северных административно-территориальных образований, а также ограждение «туземцев» от влияния крупной промышленности. Охранительная политика также включала в себя стремление к развитию хозяйства северных народов на основе рационализации и механизации традиционных промыслов — охоты, рыболовства и оленеводства. Главный идеолог Комитета Севера А.Е. Скачко дал определение подобной модернизации северной экономики — «промышленная колонизация» (см.: [Stas 2022: 42–44]). Такая точка зрения на «резервацию» как «промышленную колонизацию» северных территорий являлась также доминирующей среди этнографов и краеведов на местах. В Свердловске ей следовали Уральский Комитет Севера и Уральское областное бюро краеведения, организованные в 1924–1925 годах.

Идеи «резервации» прикладывались преимущественно к территориям Дальнего Севера, который тогда уральцы называли «Низовым краем». Эту позицию наиболее ясно отстаивал член Уральского Комитета Севера, краевед-плановик Д.М. Бобылев, рассматривавший Север как «однородную в естественно-историческом, географическом и этнографическом отношениях терри-

39 Иванов К.К. Северный Урал... С. 48.

торию кочевания группы туземных племен». Он считал, что административная граница между Уральской областью и Сибирским краем «искусственно разобщала цельность кочевых территорий», а коренное население постоянно нарушало эту границу, следя за оленями или дикими зверями. Во главу угла краевед ставил проблему разграничения работы с «сиборганизациями» и «сибирскими факториями», которые продолжали притягивать в свою орбиту «туземцев». В перспективе это сулило упадок промыслов и исключение северных территорий из Урала, как это случилось с Александровским районом, перешедшим в Сибирь. Решение проблемы он видел в создании единого «комбинированного промыслового хозяйства»⁴⁰.

Уральские плановики также воспроизводили идеологию такой «резервации» для традиционных промыслов — рыболовства, охоты и оленеводства. Считалось, что тундровые отрасли могли занять достойное место в экономике Уральской области, так как открывали «новую страницу в экспортном балансе Урала»⁴¹. Особое значение придавалось оленеводству, поскольку если «исчезнет этот верблюд тундры, исчезнет и человек из тундры, и последняя превратится в безжизненную пустыню»⁴². Уралплан называл улучшение оленеводства вопросом первостепенной важности, а Уралоблисполком даже ходатайствовал перед Комитетом Севера об организации экспедиции по изучению всего северного оленевого хозяйства⁴³.

Тем не менее планирование промыслового хозяйства Крайнего Севера стало самой серьезной проблемой. Уральские плановики не включили его в наметки генплана по развитию сельского хозяйства. Планы связывались в первую очередь с перспективами колонизации разных территорий области, а пушное хозяйство и рыболовство в «пустынных тундрах» не рассматривались в качестве факторов «колонизующего свойства»⁴⁴. Плановики считали, что для промыслов нужно было создавать отдельный, особый план⁴⁵. Фактически они исключили тундровую и притундровую зоны из генплана, объясняя это «резервацией» территории под традиционные промыслы:

Тундра должна оставаться районом хозяйственной деятельности местного туземного кочевого населения, живущего в ней — самоедов и остыаков; только это население, приспособив в течение многовековой истории свой быт и хозяйственныенавыки к местным условиям, сумело обеспечить свое существование в этом суровом крае, и только это население, идя в дальнейшем по пути поднятия своего культурного уровня и рационализации своего хозяйства, в состоянии использовать хозяйственные возможности тундры⁴⁶.

Итак, генплан хозяйства Урала определил развитие Дальнего Севера за пределы 15-летнего срока колонизации Уральской области. В первую очередь это непосредственно отражалось в картографии Уральской области, обширно пред-

40 Бобылев Д. По вопросу о реконструкции промышленного хозяйства Приполярного Севера // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С. 79–81.

41 Евладов В. Пути развития хозяйства Обдорского края // Уральское краеведение. Вып. 1. 1927. С. 65.

42 Груздев С. Уральский Север... С. 267.

43 Там же. С. 268.

44 Там же. С. 252.

45 Генеральный план хозяйства Урала... С. 429.

46 Иванов К.К. Северный Урал... С. 44.

ставленной в материалах планирования. В большинстве случаев уральские плановики и картографы все 1920-е годы изображали территорию области без «Низового края», включая в карту только Кондинский район и территории до Оби. Тобольский этнограф и краевед В.М. Новицкий прямо говорил, что карта области, составленная Дидковским в Уралплане, имела в отношении Тобольского Севера «много не только неточностей, но прямых, серьезных неправильностей»⁴⁷. В 1926—1927 годах Уралплан намечал серию экспедиций для определения географических координат и исправления ошибок в этих картах⁴⁸.

В итоге вместо заселения «Низового края» генплан Урала предусматривал только его экспедиционное обследование⁴⁹. Бобылев указывал, что Уральская область именно через специальные экспедиции проявляет особенный интерес к изучению Тобольского Севера⁵⁰. Помимо Северо-Уральской экспедиции, особые надежды возлагались на новые — Гыданскую и Ямальскую⁵¹. В то же время в конце 1920-х годов на территории Тобольского Севера работала экспедиция Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях рек Сибири (Убекосибирь), которое базировалось в Омске. На фоне общего противостояния Урала и Сибири за Тобольский Север, Убекосибирь обвинило Уралплан в несогласованности ведомственных экспедиций на Север и выразило сомнение в успехе Ямальской экспедиции, предлагая ей стать частью команды Убекосибири⁵². Осенью 1928 года Тобольский окрискомитет констатировал отсутствие связи Уралплана с Убекосибирью и просил уральских плановиков исправить эту ситуацию⁵³.

Фактический отказ Уралплана участвовать в разработке планирования хозяйства Тобольского Севера вел к серьезной напряженности между уральцами и Тобольским окриском. В марте 1929 года на окружном съезде советов тоболяки остро критиковали Уралсовет, отмечая недостаточность ассигнований; «гастролерство на север различных научных экспедиций», «пожирающих немало денег»; отсутствие строительства железной дороги; «бесплановость» и т.д.⁵⁴ С весны 1929 года тоболяки начали организацию собственной плановой комиссии и для этой задачи просили Уралоблисполком делиться материалами, полученными во время своих научных экспедиций⁵⁵. Летом 1930 года только что созданная Тобольская плановая комиссия все еще добивалась от Уралплана и Уралоблисполкома проведения в жизнь этих решений тоболяков⁵⁶.

47 Консультация // Наш край. 1924. № 3. С. 47.

48 Хандрос Л. Изучение Урала // Торгово-промышленный Урал 1926 г. С. 33.

49 Генеральный план хозяйства Урала... С. 490—491.

50 Отзывы о «Бюллетене Общества» в Урало-Сибирской прессе // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 4. С. 26.

51 Доклад Б.Н. Городкова о результатах Гыданской экспедиции Академии наук // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 1. С. 14; Доклад Евладова о Ямальской экспедиции Уралоблисполкома в 1927 году // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 1. С. 14.

52 Доклад Нач. Экспедиции Убекосибири Сергиевского // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 2. С. 9—10.

53 Доклад Нач. Экспедиции Убекосибири Сергиевского // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 4. С. 2.

54 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2267. Л. 17—22.

55 Там же. Д. 2266. Л. 168, 211 об.

56 Там же. Д. 2706. Л. 20.

Однако кризис в отношениях Свердловска и Тобольска по вопросу Севера был быстро исчерпан в силу начавшейся ликвидации системы округов. Одновременно это событие наложилось на национальное районирование северных окраин, которое было принято в декабре 1930 года. На плечи Уралсовета легла задача создания на территории Тобольского Севера двух национальных округов — Остяко-Вогульского и Ямальского. Решение о создании этих образований было пролоббировано уральцами, в то время как тоболяки настаивали на создании одного северного округа [Алексеева 2002: 121]. Первыми руководителями окружных администраций стали областные партийцы и советские работники Уральской области [Ершов 2014: 137–138].

Эти реформы привели к новому витку споров с Сибирью за Тобольский Север. При определении границ национальных округов в июне 1931 года Уралоблисполком ходатайствовал в Президиум ВЦИК об объединении всего «остяцкого» населения в один округ и всего ненецкого населения в другой⁵⁷. Для такой национализации северных территорий уральцы предложили присоединить в Остяко-Вогульский округ «остяцкие» территории: Шурышкарский район, который находился в Обдорском районе, и бывший Александровский район, вернув его из Сибири. Ямальский округ должен был включать все территории проживания ненцев. Поэтому к нему переходили бассейн верхнего течения реки Пур, подчинявшийся прежде Сургутскому району, и Тазовский туземный район, который передавался из Восточно-Сибирского края⁵⁸.

Западно-Сибирский край, наоборот, предлагал свой «протест-проект» — весь Тобольский Север передавался Сибири⁵⁹. Сибиряки указывали, что он не был связан с масштабным строительством Урало-Кузнецкого комбината (УКК), которое становилось главным проектом уральцев. Это вело к разрыву между экономикой и управлением в уральском администрировании Севера⁶⁰. Комитет Севера и Административная комиссия ВЦИК поддерживали сибирскую точку зрения⁶¹. Несмотря на это, представителям Урала в ВЦИК все же удалось продавить свой вариант. В январе 1932 года Президиум ВЦИК утвердил постановление о новых границах Уральской области, поддержав практически все предложения уральцев, в том числе возвращение бывшего Александровского района. Однако ВЦИК сохранил существующую границу с Восточно-Сибирским краем, без присоединения к Уралу всего бассейна реки Таз⁶². По этому поводу специалисты Уралоблисполкома признавали, что сейчас уральцы не имели возможности обслужить территорию течения реки Таз⁶³.

Таким образом, процесс районирования территории Севера был завершен победой уральского проекта. Он подразумевал национализацию Тобольского Севера, которую можно считать эволюционировавшей формой идеи «резервации» [Слезкин 2008: 310–312]. Однако, как указывает Е. В. Перевалова, национальное районирование на Севере Западной Сибиришло не путем обособления народов на резервированных территориях, а посредством присвоения им статуса полноправных национальностей, что, однако, обернулось установ-

57 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 27. Л. 4 об.

58 Там же. Л. 1 — 1 об., 3 об.

59 Там же. Л. 4 — 4 об.

60 Там же. Л. 26—29.

61 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3178. Л. 327 об., 330.

62 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 30. Л. 87 об. — 89.

63 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3178. Л. 331.

лением полного контроля государства над «туземными» землями [Перевалова 2019: 170–173]. По мнению Н.Б. Вахтина, надежды на то, что создание национальных округов смогло бы защитить коренное население, не оправдались [Вахтин 1993: 33]. Как отмечает А.В. Головнёв, административная расчлененность коренных народов Севера скорее осложнила положение этнических культур [Головнёв 1995: 88–89]. В то же время этнографы считают, что организация округов стала значимым фактором в формировании этнической идентичности северных народов [Пивнева 2011].

В начале 1930-х годов, следуя национализирующему подходу, уральцы продолжали рассматривать Крайний Север как территорию преимущественно традиционного «туземного» хозяйства, требовавшего рационализации и механизации. Так, в мае 1931 года Уралоблисполком выпустил первое такое постановление по вопросам развития северных промыслов⁶⁴, а в феврале 1932 года – второе⁶⁵. Идеи о железных дорогах и большой лесной промышленности оставались лишь в плановом дискурсе, но не в исполнительных документах Уралоблисполкома.

Уральский Север – это Урало-Кузнецкий комбинат

К 1932 году Уралоблисполком стал фактическим и единственным центром управления северными округами. Это привело к изменению уральского воображения о Тобольском Севере: теперь он дискурсивно позиционировался как Уральский Север, встроенный в структуру УКК. Свои идеи уральские плановики представили на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил на Севере во втором пятилетии, которая состоялась при Госплане СССР в феврале 1932 года. Они однозначно заявили, что северные территории области являлись неразрывной частью УКК как угольно-металлургической, химической и оборонной базы СССР. По их мнению, Уральский Север обладал «естественно-производительными силами», которые должны быть «втянуты в общее социалистическое строительство УКК»⁶⁶. Инструктор Уралоблисполкома Д.Н. Хозяшев, объездив за лето 1932 года весь Уральский Север, подтверждал, что северные округа являлись неотъемлемой частью УКК⁶⁷.

В то же время доклад уральских плановиков представлял лишь наметки и в большинстве случаев повторял обещания, высказанные еще в середине 1920-х годов. Так, во второй пятилетке Уралплан вновь отдавал приоритет возведению железных магистралей Тавда – Тобольск и Надеждинск – Нарыкары. Особые надежды продолжали быть связаны с лесными массивами Уральского Севера, но только теперь они служили ресурсом для сооружения УКК: выступали в качестве стройматериалов и сырья древесно-угольной плавки чугуна. Мощные лесоразделочные комбинаты планировались в Самарово и Нарыкарах⁶⁸. Уральские планы не включали каких-то конкретных предложений по разработке транспортной связности хозяйства северных округов

64 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 108. Л. 7–10.

65 Там же. Д. 89. Л. 13.

66 ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2462. Л. 24.

67 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3338. Л. 61 об.

68 Там же. Л. 24–27; ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2530. Л. 5.

и Урало-Кузбасса. Например, рабочая группа УКК на вторую пятилетку посчитала целесообразным решением не фиксировать точные направления железных дорог на Уральский Север, но лишь зарезервировать под стройку земли⁶⁹. По факту риторика об УКК в планировании северной экономики не переключила к прямой разработке промышленного развития Уральского Севера. Как и прежде, уральцы в основном описывали индустриальное будущее Севера через развитие традиционных для региона отраслей.

Тем не менее, как следствие решений конференции по Северу при Госплане СССР, руководство Уральской области рассчитывало перейти к более серьезному продвижению на Север. В сентябре 1932 года при Президиуме Уралплана был создан Совет Севера с целью «наиболее рационального планового освоения Уральского Севера». Новый орган получил весьма широкие полномочия по наблюдению и проверке работ по хозяйственно-культурным, научно-исследовательским и экспедиционным планам разных организаций на Севере⁷⁰. А в самом начале 1933 года председатель Уралоблисполкома М.К. Ошвинцев прямо заявил: «Мы должны поставить своей основной задачей освоение Уральского Севера и особенно Остяко-Вогульского округа, именно хозяйственного освоения»⁷¹. Он признавал серьезную проблему недостаточного внимания к Северу: «Проводится колониальная политика — возьми, грабь, а после нас хоть потоп»⁷². В то же время в русле прежних установок Уралплана руководитель области считал первоочередной задачей развитие традиционного и сельского хозяйства — пушных промыслов, рыбного лова, зерновых культур, животноводства.

Соответственно, в начале 1930-х годов уральские плановики все еще исключали развертывание большой промышленности на Уральском Севере. Регион воспринимался в первую очередь как пространство «туземцев». По этому поводу негодовал Уральский Комитет Севера, перешедший в начале 1930-х годов на технократические позиции. Североведы указывали, что промышленность Уральского Севера, кроме рыбоконсервной, развивалась недостаточно интенсивно. В отчете перед центральным Комитетом Севера Уральский Комитет Севера жаловался на плановиков:

Необходимо отметить полную недооценку значения Уральского Севера в системе УКК со стороны Уралплана, который в проектировке второго пятилетнего плана игнорирует решения Северной конференции Госплана СССР. Одной из иллюстраций этого положения является проектировка постройки ж.-д. линии Тавда — Тобольск, отнесенной по Госплану к первоочередным направлениям, а по Уралплану к 1937 г. Проект второго пятилетнего плана Уралпланом не разработан⁷³.

Тем не менее Уральский Комитет Севера тоже ничего не мог предложить взамен по причине небольшого штата своей организации. Он также повторял тезисы о рыбной промышленности как ведущей отрасли и становлении новой лесной промышленности на Уральском Севере⁷⁴.

69 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3241. Л. 42 об.

70 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 137. Л. 63.

71 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3337. Л. 11.

72 Там же. Л. 11 об.

73 Там же. Л. 42—43.

74 Там же. Л. 43.

История представлений уральских плановиков и политиков о Тобольском Севере в 1920-е — начале 1930-е годы рассказывает нам о локальном, контекстуальном и динамическом воображении арктических территорий. Этот уральский «арктизм» первоначально основывался на взглядах о торговой связности Урала и Обь-Иртышского Севера, затем был обещанием индустриализации через строительство железных дорог и лесной промышленности. Однако в условиях генерального планирования Уральской области он трансформировался в идею о «туземном» хозяйстве, которое только и могло развиваться в условиях сурового климата. Это непосредственно отражалось в образе «полярной пустыни», простирающейся на окраине Урала. Воображение Севера как «туземной» территории сохранялось среди уральских управленцев в начале 1930-х годов и непосредственно предопределило разработку национализирующего проекта о создании округов для «остяков» и «ненцев». Позже эти округа воспринимались территорией УКК. При этом основу всех планов составляли показатели по развитию местного традиционного хозяйства без проработки реальных связей между Севером и УКК. Вероятно, на протяжении всего периода уральские плановики, как указывал историк К.И. Зубков, скорее были обременены мучительной и неясной задачей интеграции хозяйства Севера в экономику Уральской области [Зубков 2005: 117].

Кажется, что эта история завершается победоносным утверждением уральского дискурса о «Низовом крае», превратившемся в полноценный Уральский Север. Однако реальность планов не была устойчивой, оставалась исключительно инфраструктурным обещанием: ни один большой проект уральцев так и не был реализован. В итоге уральский подход не нашел подтверждения в центральном Госплане, представители которого писали в Уралплан, что границы Севера не могут включать территории, связанные с УКК⁷⁵. В освоении Арктики Госплан СССР и Комитет Севера при ВЦИК выбрали другой проект, переформатировавший советскую риторику о Севере. После конференции при Госплане в 1932 году доминирующей стала транспортная идеология, которая создавала новый нарратив о Северном морском пути (СМП) [Стась 2023: 321–329]. Уральские планы никогда всерьез не учитывали развитие СМП, постоянно привязывая Север исключительно к Свердловску через железные дороги. Это и предопределило затухание уральского «арктизма». Организация СМП запустила очередное новое районирование Севера, что стало частью расформирования Уральской области. В 1934 году, впервые при советской власти, территории бывшего Тобольского Севера передавались в юрисдикцию Сибири, имевшей больше отношения к инфраструктуре СМП: сначала недолго в виде самостоятельной Обско-Иртышской области с центром в Тюмени, а затем в Омскую область. Тем не менее это дискурсивное противостояние между Уралом и Сибирью за символическое или реальное владение Западно-Сибирским Севером никуда не ушло. Оно было актуально и при хрущевской реформе совнархозов, и при создании федеральных округов в современной России, и даже при реализации инициатив, подобных проекту «Урал Промышленный — Урал Полярный». В этой идеологии Север Западной Сибири продолжает быть территорией Урала.

75 ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2466. Л. 2.

Библиография / References

- [Агапов 2024] — Агапов М.Г. От «Севера России» к «Русскому Северу»: интеллектуальное присвоение северных территорий Европейской части России в середине XVIII — первой половине XIX века // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 1. С. 23—38.
- (Agapov M.G. Ot "Severa Rossii" k "Russkomu Severu": intellektual'noe prisvoenie severnykh territoriy Evropeyskoy chasti Rossii v seredine XVIII — pervoy polovine XIX veka // Krest'yanovedenie. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 23—38.)
- [Алексеева 2002] — Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 годах: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002.
- (Alekseeva L.V. Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917—1941 godakh: natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo i naselenie. Nizhnevartovsk, 2002.)
- [Бруно 2024] — Бруно Э. Природа советской власти: Экологическая история Арктики. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- (Bruno A. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Moscow, 2024. — In Russ.)
- [Вахтин 1993] — Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж: Изд-во Европейского дома, 1993.
- (Vakhtin N.B. Korennoe naselenie Kraynego Sverra Rossiyskoy Federatsii. Saint Petersburg; Paris, 1993.)
- [Гаврилова, Васильева 2023] — Гаврилова К., Васильева В. Северный морской путь: взгляд антрополога // Северные морские пути России / Под ред. В.В. Васильевой, К.А. Гавриловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 27—44.
- (Gavrilova K., Vasil'eva V. Severnyy morskoy put': vzglyad antropologa // Severnye morskie puti Rossii / Ed. by V.V. Vasilieva, K.A. Gavrilova. Moscow, 2023. P. 27—44.)
- [Головнен 1995] — Головнен А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угроров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- (Golovnen A.V. Govoryashchie kul'tury: traditsii samodijtsev i ugrov. Ekaterinburg, 1995.)
- [Ершов 2014] — Ершов М.Ф. Я.М. Рознин: материалы к биографии // Вестник угрореведения. 2014. № 1. С. 130—142.
- (Ershov M.F. Ya.M. Roznin: materialy k biografii // Vestnik ugrovedeniya. 2014. No. 1. P. 130—142.)
- [Зубков 2005] — Зубков К.И. Начальный этап формирования советской политики освоения Севера: Уральская область и Тобольский Север в 1920-е гг. // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 102—118.
- (Zubkov K.I. Nachal'nyy etap formirovaniya sovetskoy politiki osvoeniya Severa: Ural'skaya oblast' i Tobol'skiy Sever v 1920-e gg. // Uralo-Sibirskiy Sever v razvitiii rossiyskoy tsivilizatsii / Ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg, 2005. P. 102—118.)
- [Зубков 2008] — Зубков К.И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): geopolitika v regional'nom inter'ere // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 62—65.
- (Zubkov K.I. Territorial'nye spory v khode rayonirovaniya Urala i Sibiri (nachalo 1920-kh gg.): geopolitika v regional'nom inter'ere // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2008. No. 2. P. 62—65.)
- [Зубков 2016] — Зубков К.И. Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный — 2016. Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 213—216.
- (Zubkov K.I. Mezhdzu Uralom i Sibir'yu: Tobol'skiy Sever v fokuse mezhregional'nogo soperничestva nachala 1920-kh gg. // Tobol'sk nauchnyy — 2016. Tobolsk, 2016. P. 213—216.)
- [Зубков 2018] — Зубков К.И. Фактор колонизации Севера в политике формирования Уральской области // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII — XXI вв.: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. С. 39—50.
- (Zubkov K.I. Faktor kolonizatsii Severa v politike formirovaniya Ural'skoy oblasti // Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII — XXI vv.: In 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, 2018. P. 39—50.)
- [Зубков, Карпов 2019] — Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М.: Политическая энциклопедия, 2019.
- (Zubkov K.I., Karpov V.P. Razvitiye rossiyskoy Arktiki: sovetskiy opty v kontekste sovremenennykh

- strategiy (na materialakh Kraynego Severa Urala i Zapadnoy Sibiri). Moscow, 2019.)
- [Корженевский 2021] — Корженевский К.Б. Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923—1926 годах // Научный диалог. 2021. № 9. С. 365—384.
- (*Korzhenevskiy K.B. Territorial'noe razmezhevaniye mezhdu Sibirskim kraem i Ural'skoy oblast'yu v 1923—1926 godakh // Nauchnyy dialog. 2021. No. 9. P. 365—384.*)
- [Коробейников 2007] — Коробейников А. Якутская автономия: постимперские политические проекты якутской интеллигенции, 1905—1922 гг. // *Ab Imperio*. 2017. № 3. С. 77—118.
- (*Korobeynikov A. Yakutskaya avtonomiya: postimperskie politicheskie proekty yakutskoy intelligentsii, 1905—1922 gg. // Ab Imperio. 2017. No. 3. P. 77—118.*)
- [Круглов 2020] — Круглов В.Н. Организация территории России в 1917—2007 гг.: идеи, практики, результаты. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
- (*Kruglov V.N. Organizatsiya territorii Rossii v 1917—2007 gg.: idei, praktiki, rezul'taty. Moscow, 2020.*)
- [Кырчиков 2018] — Кырчиков М.С. Ишимский округ в территориальных спорах Урала и Сибири первой половины 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 4. С. 89—93.
- (*Kyrchikov M.S. Ishimskiy okrug v territorial'nykh sporakh Urala i Sibiri pervoy poloviny 1920-kh gg. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2018. No. 4. P. 89—93.*)
- [Кырчиков 2019] — Кырчиков М.С. Тюменский округ Уральской области: роль в региональной структуре «промышленного комбината» (1923 — середина 1930-х гг.) // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего / Отв. ред. Л.Л. Мекришвили. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 242—251.
- (*Kyrchikov M.S. Tyumenskiy okrug Ural'skoy oblasti: rol' v regional'noy strukture "promyshlennogo kombinata" (1923 — seredina 1930-kh gg.) // Tyumenskaya oblast': istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego / Ed. by L.L. Mekhrishvili. Tyumen, 2019. P. 242—251.*)
- [Перевалова 2019] — Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019.
- (*Perevalova E.V. Obskie ugrы i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'. Saint Petersburg, 2019.*)
- [Пивнева 2011] — Пивнева Е.А. «Мы одни, но мы все разные»: об обских уграх, классификациях и идентичностях // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 57—62.
- (*Pivneva E.A. "My odni, no my vse raznye": ob obskih ugrakh, klassifikatsiyakh i identichnostyakh // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2011. No. 2. P. 57—62.*)
- [Россия в Арктике... 2017] — Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения / Отв. ред. А.И. Тимошенко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Паралель, 2017.
- (*Rossiya v Arktike: gosudarstvennaya politika i problemy osvoeniya / Ed. by A.I. Timoshenko, A.H. Elert. Novosibirsk, 2017.*)
- [Слёзкин 2008] — Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (*Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow, 2008. — In Russ.*)
- [Соловьева 2005] — Соловьева Т.В. Проблема административно-территориального устройства Тобольского Севера в ходе экономического районирования Уральской области // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 11—145.
- (*Solov'eva T.V. Problema administrativno-territorial'nogo ustroystva Tobol'skogo Severa v khode ekonomicheskogo rayonirovaniya Ural'skoy oblasti // Uralo-Sibirskiy Sever v razvitiy rossiyskoy tsivilizatsii / Ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg, 2005. P. 119—145.*)
- [Стась 2021] — Стась И.Н. Советская колонизация Арктики: государственная этнография и «туземный пролетариат» в экономических стратегиях развития Крайнего Севера (середина 1920-х — конец 1930-х гг.) // *Ab Imperio*. 2021. № 1. С. 93—136.
- (*Stas' I.N. Sovetskaya kolonizatsiya Arktiki: gosudarstvennaya etnografiya i "tuzemnyy proletariat" v ekonomicheskikh strategiyakh razvitiya Kraynego Severa (seredina 1920-kh — konets 1930-kh gg.) // Ab Imperio. 2021. No. 1. P. 93—136.*)
- [Стась 2023] — Стась И.Н. Северный морской путь и коренное население Севера в раннесоветскую эпоху // Северные морские пути России / Под ред. В.В. Васильевой, К.А. Гавриловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 301—355.

- [Stas' I.N. Severnyy morskoy put' i korennoe nase-
lenie Severa v rannesovetskuyu epokhu // Se-
vernye morskie puti Rossii / Ed. by V.V. Vasi-
lieva, K.A. Gavrilova. Moscow, 2023. P. 301—
355.)
- [Хирш 2022] — Хирш Ф. Империя наций:
этнографическое знание и формирования
Советского Союза. М.: Новое лите-
ратурное обозрение, 2022.
- (Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Know-
ledge and the Making of the Soviet Union.
Moscow, 2022. — In Russ.)
- [Arzyutov 2020] — Arzyutov D.V. "American Dreams"
of Early Soviet Ethnography: Some Reflections
on Bogoras's Legacy // Ab Imperio. 2020. No. 1.
P. 75—89.
- [David 2000] — David R.G. The Arctic in the British
Imagination 1818—1914. Manchester, New
York: Manchester University Press, 2000.
- [Doubleday 1992] — Doubleday N.C. Arctic Worlds
and the Geography of Imagination // GeoJour-
nal. 1992. Vol. 26. No. 2. P. 211—215.
- [Eklund et al. 2019] — Eklund N., Lajus J., Boro-
voy V., Kalemeneva E., Lajus D., Stogova D.,
Vlakhov A., Wråkberg U. Imaginaries and His-
torical Change in the European Russian Arctic // The Politics of Arctic Resources. Change
and Continuity in the "Old North" of Northern
Europe / Ed. by E. Keskitalo. Abingdon, New
York: Routledge, 2019. P. 200—220.
- [Frank 2010] — Frank S.K. City of the Sun on Ice:
The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic
in the 1930s // Arctic Discourses / Ed. by
A. Ryall, J. Schimanski, H.H. Wærp. New-
castle: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
P. 106—131.
- [Hansson, Ryall 2017] — Hansson H., Ryall A. In-
troduction: Environmental, Exotic and Every-
day Arctic // Arctic Modernities: The Environ-
mental, the Exotic and the Everyday / Ed. by
H. Hansson, A. Ryall. Newcastle: Cambridge
Scholars Publishing, 2017. P. 1—13.
- [Hemmersam 2021] — Hemmersam P. Making the
Arctic City: the History and Future of Urba-
nism in the Circumpolar North. London; New
York: Dublin: Bloomsbury Visual Arts, 2021.
- [Kaganovsky 2017] — Kaganovsky L. The Neg-
ative Space in the National Imagination: Rus-
sia and the Arctic // Arctic Environmental
Modernities. From the Age of Polar Explora-
tion to the Era of the Anthropocene / Ed. by
L.-A. Körber, S. MacKenzie, A.W. Stenport.
London: Cham; Palgrave Macmillan, 2017.
P. 169—182.
- [Körber et al. 2017] — Körber L.-A., MacKenzie S.,
Stenport A.W. Introduction: Arctic Moderniti-
es, Environmental Politics, and the Era of the
Anthropocene // Arctic Environmental Moderni-
ties. From the Age of Polar Exploration to the
Era of the Anthropocene / Ed. by L.-A. Körber,
S. MacKenzie, A.W. Stenport. London: Cham;
Palgrave Macmillan, 2017. P. 1—20.
- [Lewis-Jones 2017] — Lewis-Jones H. Imagining
the Arctic — Heroism, Spectacle and Polar
Exploration. London; New York: I.B. Tauris &
Co., 2017.
- [McCannon 1998] — McCannon J. Red Arctic:
Polar Exploration and the Myth of the North
in the Soviet Union, 1932—1939. New York;
Oxford: Oxford University Press, 1998.
- [Ryall et al. 2010] — Ryall A., Schimanski J.,
Wærp H.H. Arctic Discourses: An Introducti-
on // Arctic Discourses / Ed. by A. Ryall,
J. Schimanski, H.H. Wærp. Newcastle: Cam-
bridge Scholars Publishing, 2010. P. IX—XXII.
- [Stas 2022] — Stas I. An Indigenous Anthropocene:
Subsistence Colonization and Ecological Im-
perialism in the Soviet Arctic in the 1920s and
Early 1930s // The Soviet and Post-Soviet Re-
view. 2022. No. 49. P. 39—66.
- [Steinberg et al. 2015] — Steinberg P.E., Tasch J.,
Gerhardt H., Keul A., Nyman E.A. Contesting
the Arctic: Politics and Imaginaries in the Cir-
cum polar North. London: I.B. Tauris, 2015.